

С громким хлопком Гермiona появилась посреди улицы рядом с больницей Св. Мунго и тут же замерла на месте из-за дюжины палочек, направленных на нее. Она огляделась по сторонам, пораженная картиной беспорядочных разрушений вокруг. Тела и осколки лежали повсюду возле развороченного входа в здание. Персонал больницы с неистовым рвением оказывали помощь раненым, часть которых бесцельно блуждала кругами, другие рыдали, а некоторые оцепенело смотрели в никуда. Волшебники из бригады экстренного реагирования бегали вокруг как угорелые, собирая показания магглов перед тем, как изменить им память и отправить по своим делам. В это время министерские невыразимцы были заняты наложением чар, препятствующих магглам видеть здание больницы.

Авроры, держащие Гермionу на прицеле, ошарашенно разглядывали рыдающую девушку с покрасневшими от слез глазами, которая появилась на улице в одном белье да фланелевой ночной сорочке. Прежде чем они обрели дар речи, рядом с ней аппарировал Грюм и подал взволнованным аврорам знак, что она не представляет опасности. Повернувшись к Гермione, он схватил ее за руку, предотвращая попытку попасть внутрь больницы. Он укоризненно посмотрел на нее и уже собирался прочитать нотацию о том, как глупо с ее стороны было аппарировать в место, где черт знает что происходит, но его магическое око, еще секунду назад бешено осматривающее все вокруг, остановилось на куче тлеющих обломков возле разрушенного входа.

— Борода Мерлина Великого! Тонкс! — воскликнул Грюм, торопливо направляя палочку на кучу булыжников и поднимая в воздух куски кирпича и извести. — Что ты встала, девчонка? Помогай!

Несколько авроров на пару с Гермionой быстро расчистили завал, под которым обнаружилась лежащая без сознания, раненая Тонкс, частично накрытая мокрой от крови мантией-невидимкой. Если бы она не наколдовала в последний момент щит, то, скорее всего, обломки разрушенной стены задавили бы ее насмерть.

Как только медиковедьма начала латать Тонкс, Гермiona ринулась в больницу в отчаянном желании узнать, в порядке ли Гарри. Пробегая по коридорам, она повсюду видела следы боя. Стены обуглились в тех местах, где по ним попали заклинаниями и проклятьями, раскрошенная штукатурка и обломки покрывали пол, и почти в каждой палате, мимо которой она пробегала, были мертвые или раненые маги, чьим лечением уже занимался персонал больницы, что только увеличивало ее беспокойство. К тому времени, как Гермiona добралась до этажа, на котором лежал Гарри, она бежала так быстро, как только могла, громко шлепая голыми ногами по выложенному плиткой полу, а по ее лицу струились слезы. Резко затормозив возле палаты Гарри, она бросилась внутрь, заставляя дверь с шумом удариться об стену.

Гермione пришлось прикрыть рот рукой, чтобы удержать рвущийся наружу крик, когда она увидела состояние его палаты. На полу валялись свитки пергамента, простыни выглядели так, будто кто-то намеренно зашвырнул их в угол, все горизонтальные поверхности были усыпаны осколками стекла. Сундук Гарри стоял открытым возле большого шкафа в дальнем конце комнаты.

Гермiona приложила руку к груди и, едва держась на ногах, оперлась о дверной косяк. Она была уверена, что Пожиратели Смерти похитили Гарри. Игнорируя слезы, стоявшие в глазах,

Гермиона взмахнула палочкой, собирая разбросанные свитки пергамента и отправляя их в коробку, лежащую на полу. Следующим взмахом она убрала острые осколки стекла, покрывающие пол, кровать и стол, и отлевитировала подушку вместе с простынями на кровать, чарами подоткнув свисающие края под матрас, что привело палату почти в идеальный порядок.

Закончив уборку, Гермиона облачилась в мантию, которую захватила из дома, пытаясь хотя бы частично добиться приличного вида. Пройдя в другой конец палаты, она тяжело села на кровать и закрыла лицо ладонями, все еще чувствуя изнеможение от того, что произошло утром в ее спальне. Единственным, что не давало ей потерять надежду на то, что Гарри жив, было то, что в палате его тела не обнаружилось. Тем не менее, мысль о том, как его, бессильного и избитого, швырнут под ноги Волдеморту, делала эту надежду, в лучшем случае, призрачной.

Гермиона откинулась на кровать и тяжело вздохнула. Она могла ощутить еле заметный, но все еще различимый запах Гарри, сохранившийся на подушке. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, пытаясь ослабить то напряжение, которое, казалось, намертво въелось в её существо.

Гермиона медленно открыла глаза. Она стояла в просторной комнате или в помещении, ее напоминавшем. Всё вокруг было снежно-белым. Далеко впереди виднелись стены, поднимающиеся вверх так высоко, что потолок нельзя было различить. Комната казалась Гермионе смутно знакомой, как будто она провела здесь немало времени. Она медленно направилась к одной из стен. Непонятно откуда, но Гермиона уже знала, что она там увидит. Воспоминания о комнате понемногу начали всплывать в ее голове. Она знала, что, подойдя к стене, она не найдет там ни дверей, ни окон, ни каких-либо надписей. Казалось, она уже блуждала здесь не раз. Внезапно она остановилась, вспомнив, что отсюда нет выхода, нет пути к спасению.

Было что-то еще насчет этой комнаты, что-то важное, но Гермиона никак не могла воскресить в памяти, что именно. Что-то пугающе или, возможно, опасное. Вновь сконцентрировав внимание на стене перед собой, она удивилась от осознания того, как близко та находится. Она была уверена в том, что просто не могла пройти так далеко, чтобы достигнуть стены. Торопливо обернувшись, она увидела, что остальные стены теперь были так же близко.

И тут она вспомнила. Стены сужались. Это происходило каждый раз, когда она оказывалась в этой комнате, и каждый раз все заканчивалось одинаково. Гермиона взмахнула палочкой, посылая «Reducto» в быстро приближающуюся стену, но красный луч рассеялся облачком розоватого дыма, так и не достигнув цели. На нее накатила паника, и Гермиона одно за другим начала выкрикивать все проклятья, которые только приходили ей на ум:

— Reducto! Impedimenta! Arresto Momentum!

Но ни одно заклинание, которое она попыталась использовать, и близко не достигло стен перед тем, как рассеяться.

В отчаянье она вспомнила о достаточно сложных чарах, о которых недавно читала в книге. В обычной ситуации она ни за что не использовала бы столь мощное проклятье на таком близком расстоянии, но мысль о том, что если она не прорвется сквозь эти стены, то они задавят ее, подстегнула ее к этому. Стены были уже в каких-то нескольких метрах от нее. Гермиона сузила глаза, пытаясь сконцентрироваться, и громким чистым голосом произнесла:

— Perfringo Permaximum!

Непроницаемо темная струя силы выстрелила из кончика палочки и с шумом врезалась в надвигающуюся на Гермиону стену, но все без толку. На гладкой белой поверхности не осталось даже маленького обугленного следа. Закрыв глаза, она приготовилась к худшему, когда услышала хриплый, но в то же время ласковый голос, зовущий ее:

— Грейнджер?

Она ощутила чью-то тяжелую руку, лежащую на своем плече, и то, как ее осторожно трясут. Открыв глаза, Гермиона подскочила от ужаса, но обнаружила себя лежащей на кровати Гарри в его больничной палате. Тут она увидела покрытое шрамами лицо Грюма, склонившегося к ней.

— Вставай, — сказал он. — Пока мы штопали Тонкс, она захотела перекинуться с тобой парой словечек.

Гермиона пролежала на кровати всего несколько секунд, прежде чем подняться на ноги и привести в норму неровное дыхание. Она подняла взгляд на Грюма и спросила:

— Гарри здесь нет, кто-то знает, что с ним случилось?

Грюм кивнул:

— Об этом Тонкс и хочет поговорить с тобой. Она охраняла его сегодня утром во время нападения.

Следуя за Грюмом по коридорам, Гермиона снова и снова прокручивала в голове сон, который ей только что приснился. Тот самый сон, который снился ей каждый раз, когда она пыталась заснуть. И каждый раз она просыпалась в один и тот же момент, когда стены сжимали ее так сильно, что она уже чувствовала, как кости плеч и груди трещат от давления. Даже проснувшись, она ощущала боль в грудной клетке, что совершенно не способствовало засыпанию. Она совсем не знала, как долго еще сможет протянуть, получая лишь несколько часов полноценного сна за ночь.

Спустившись по лестнице на первый этаж, Гермиона окинула взглядом просторное помещение и резко остановилась. Повсюду рядами стояли койки с телами, накрытыми белыми

простынями, большая часть которых была залита кровью.

— Грозный Глаз, сколько... сколько их?

Грюм замер в нескольких шагах впереди нее и покачал головой:

— Мы пока не знаем. Их все еще считают, но мы думаем, что мертвых не менее сотни. Жарче всего было возле...

Гермиона услышала, как Грюм глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться и, скорее всего, убрать из голоса какие-либо эмоции. Он прочистил горло и продолжил:

— Говорят, что жарче всего было возле детского отделения. Большинство малышей спало и так и не поняло, что произошло. Это была самая настоящая резня.

Гермиона застыла на мгновение, пытаясь переварить сказанное. Ее мысли остановились на миниатюрной девочке с белыми волосами и фиалковыми глазами. Она представила ее распластанной на полу, всю в крови.

Грюм оглянулся и увидел, как лицо Гермионы исказила скорбная гримаса.

— Котона... — прошептала та, ринулась к нему и, обняв, зарыдала, уткнувшись носом куда-то в рубашку. Грюм напрягся и беспомощно посмотрел по сторонам, мягко похлопывая Гермиону по спине, пока она плакала.

— Давай, девочка, приободришься, — тихо сказал он ей. — Сейчас не время раскисать. До меня дошли слухи, что несколько детей уцелело.

Говоря по правде, Грюм и сам еле сдерживал подступившие слезы.

Гермиона, осознав, что она прижимается к Грозному Глазу, взвизгнула и отскочила назад.

«Что же я делаю?»

— Извини-и-ните, я не знаю, что на меня нашло! Обычно я не бываю такой эмоциональной. Просто в этом отделении была моя знакомая, она бы пошла в Хогвартс в этом сентябре. Именно она сказала мне наложить на Гарри Патронус. У нее были белые волосы и глаза такого странного цвета... почти пурпурные...

— Так ты знаешь ее? — спросил Грюм, смотревший на Гермиону с немного удивленным выражением лица. — Она одна из уцелевших. Вообще-то, она даже остановила одного из

Пожирателей, но мы не можем сказать, как. Аврор, обыскивающий отделение после нападения, нашел в ее комнате одного из них с палочкой, направленной на нее, в руке. Но он просто стоял и смотрел в никуда. А она не отвечает ни на какие вопросы о том, как...

— Она не может, — прервала его Гермиона. — Она либо не может говорить, либо просто этого не делает. Я не знаю.

Грюм пошел вперед опять:

— Ну ладно. Ты сможешь навестить ее позднее, если только чертово Министерство не арестует ее, вот так.

Им понадобилось несколько минут, чтобы добраться до палаты, где около десятка людей лежало на спешно наколдованных кроватях. Грюм провел Гермиону в дальний конец помещения. Там за шторкой, закрывающей ее от остальных, отдыхала Тонкс. Грюм остался по ту сторону занавески, а Гермиона прошла внутрь. Тонкс лежала на кровати, накрытая белой простыней, на которой в районе ног образовалось кровавое пятно.

Тонкс попыталась улыбнуться Гермионе, но на ее опухшем разбитом лице улыбка больше походила на гримасу.

— Здорово, Гермиона, — слабо поприветствовала ее Тонкс и, заметив, что та не может отвести глаз от пятна на простыне, проговорила: — Да, знаю... Плясать я не смогу еще долго, но врачи говорят, что я поправлюсь. Окажи услугу, милочка, сделай так, чтобы нас никто не смог услышать.

Гермиона быстро наложила заглушающее заклинание на полог, окружающий кровать, и стала ждать, что же скажет Тонкс. Минута прошла в молчании, и все это время, казалось, она боролась сама с собой, пытаясь заговорить, но тут терпение Гермионы закончилось, и она спросила:

— Итак? Что произошло с Гарри?

— Я думаю, он в полном порядке, но он очень зол. И когда я говорю «зол», я имею в виду «до ужаса разъярен». Я сидела под мантией невидимкой, пока он просматривал какие-то бумаги, которые лежали у него в коробке в палате. Потом он прочел что-то, очень его разозлившее. Его магия как будто... взорвалась, и я не могу даже описать это. Разворотил всю палату — и это без палочки! После этого магического выброса он решил переодеться прямо перед моим носом и пройтись по больнице в мантии своего отца.

Тонкс вспомнила вид голого Гарри, надевающего на себя одежду, и слабо захихикала:

— Ты когда-нибудь замечала, какая у него сексуальная задница?

Гермиона побледнела, вспомнив те времена, когда она действительно заглядывалась на тыльную часть Гарри, но, взяв себя в руки, она подняла взгляд на Тонкс, которая вновь попыталась улыбнуться ей, а потом и подмигнуть.

— Прежде, чем он скрыл себя под мантией, я наложила на его ботинок отслеживающее заклинание с кодом и последовала за ним. Я проследила за ним до детского отделения и, после того, как он оттуда ушел, я осознала, что он идет к выходу. Сначала я думала, что он просто гуляет по больнице, но как только я поняла, что он хочет уйти из здания, я ринулась за ним. Чего я не поняла, так это того, что он захватил с собой метлу из палаты, потому что, когда я выбежала на улицу, отслеживающие чары указывали вверх. Я как раз собиралась зайти внутрь и сообщить о случившемся, когда произошло нападение.

— И что, кто-то за ним наблюдает? — одна часть Гермионы почувствовала облегчение, но другая все еще была взволнована: она была рада, что Гарри не было в больнице во время атаки, тем не менее, ее очень беспокоил тот факт, что он был один-одинешенек где-то далеко, а ведь он только недавно очнулся от месячной комы.

— Вот поэтому я и хотела с тобой поговорить. Гарри был очень, очень вне себя. Никогда еще я не видела его настолько рассерженным. Как ты думаешь, что он сделает, находясь в таком состоянии, если узнает о том, что кто-то из членов Ордена за ним следил?

Без капли сомнения Гермиона ответила:

— Он его сразу проклянет.

— Точно. Именно по этой причине я хочу, чтобы ты его отыскала и обеспечила безопасность, пока он не остынет, или дала нам знать, если он попадет в беду. Я знаю, каким он становится рядом с тобой. Думаю, ты единственный человек, от которого он не попытается убежать.

Гермиона засомневалась:

— Я даже и не знаю, в последнее время мы не очень ладили.

— Хорошо, значит, ты считаешь, что Рону, да хоть кому угодно еще, хватит тактичности, чтобы удержать Гарри?

Гермиона вспомнила, в каком омерзительном настроении по непонятной причине пребывал Рон в тот день, когда они проводывали Гарри, и торопливо сказала:

— Ладно, я сделаю это.

— Великолепно. Я использовала следящее заклинание «Sequor» с кодом «Sirius». Тебе ведь знакомы эти чары?

Гермиона кивнула и переспросила:

— «Сириус»?

Тонкс слабо пожала плечами и пояснила:

— Это первое, что пришло мне в голову.

Гермиона вновь кивнула, попрощалась с Тонкс и Грюмом и, договорившись, чтобы вещи Гарри перевезли к ней домой, покинула комнату. На секунду она подумала о том, чтобы найти Котону, считая, что именно из-за нее Гарри пошел ранним утром в детское отделение, но ее желание убедиться в его безопасности пересилило волнение о ком-либо еще. Пройдя ко входу, она вновь попала в хаос, царящий на маггловской улице, и, найдя незаметное местечко, аппарировала домой.

Всю дорогу от сарая — через газон на заднем дворе и до двери на кухню — Гермиона пробежала. Она направилась в то самое место, где должны были находиться ее родители. Постучав в дверь кабинета, она услышала голос отца, разрешающий зайти.

— Пап, мне нужно взять одну из машин, — произнесла она тоном, больше напоминающим требование, чем просьбу. Ее отец закрыл гроссбук, над которым работал, и повернулся, чтобы взглянуть на свою дочь. Мама Гермионы сидела за своим рабочим столом, внимательно изучая каталог новомодных дизайнов стоматологических кресел.

Алекс Грейнджер внимательно посмотрел на дочку, сразу заметив возбуждение, которое та пыталась скрыть.

— Это имеет какое-то отношение к твоему другу, тому парню Гарри, не так ли?

Глаза Гермионы на секунду вспыхнули, но уже через мгновение она опустила голову и слабо кивнула.

Алекс вздохнул, поймав мимолетную вспышку гнева своей дочери, и мягко спросил:

— Этот старик Грюм толком и не сказал ничего прежде, чем последовать за тобой. Что произошло в больнице? Как Гарри?

— Ну, ты уже знаешь, что на больницу напали прислужники Волдеморта, но все уже кончилось к тому времени, как я туда попала. Кажется, Гарри опять пропал. Он покинул больницу как раз перед нападением и, выходит, именно мне нужно его разыскать. Он все еще очень болен и...

— На какой срок она тебе нужна? — перебил ее Алекс.

— Я действительно не знаю. Пока я его не найду.

Вынув кошелек, Алекс достал оттуда кредитку и несколько двадцатифунтовых купюр. Все это вместе со связкой ключей он протянул Гермионе:

— Бери «Мерседес», но его нужно заправить, так что можешь расплатиться кредиткой. И окажи нам с мамой услугу, ладно?

Засомневавшись, Гермиона не спешила брать предложенное:

— Услугу?

Он посмотрел ей в глаза и попросил:

— Пожалуйста, будь осторожна.

Гермиона еле удержалась, чтобы не закатить глаза:

— Пап, с машиной ничего не случится. Ты же знаешь, я очень аккуратно вожу.

Алекс бросил взгляд на жену, которая отвлеклась от каталога и посмотрела на свою семью.

— Нет, Гермиона, — Алекс глубоко вздохнул, а потом обеспокоенно добавил: — Будь поосторожней сама. Мы тебя любим и не хотим, чтобы с тобой что-то случилось.

Гермиона молча уставилась на отца, не зная, как реагировать на только что услышанное. Она даже не была уверена в том, что не ослышалась. После долгой паузы она очень тихо спросила:

— Что-что?

Алекс неловко встал и произнес:

— Я далеко не самый заботливый отец, который может быть у ребенка, и ты вправе винить своих бабушку и дедушку в этом, но я хочу, чтоб ты знала... в общем... ты моя маленькая дочурка. Ты всегда была моей маленькой дочуркой, и сейчас я думаю, что, пока ты выросла, мне стоило больше показывать свои чувства к тебе. Наверное, я принимал как должное то, что ты знаешь о моей любви... о нашей любви к тебе.

— Папочка, — судорожно вздохнула Гермиона и обхватила отца руками, обнимая так крепко, как только могла.

Она смогла сдержать рыдания и прошептала куда-то ему в рубашку:

— Я тоже тебя люблю.

Она почувствовала, как он нежно обнимает ее в ответ:

— Тебе уже пора спасать своего парня.

Она в последний раз сжала его в объятиях прежде, чем отступить на шаг назад и шутливо хлопнуть по руке:

— Эй, я уже говорила раньше, что он мне не парень!

Алекс отдал ей кредитку, деньги и ключи, поглядывая на жену, на лице которой появилась понимающая улыбка. Гермiona взяла все предметы и быстро обняла мать:

— Я вернусь, как только смогу, — сказала она, выбегая из комнаты к двери, ведущей в гараж.

Ее мать выскользнула из комнаты и спросила, пока Гермiona еще не успела открыть дверь:

— Гермiona, ты не могла бы оказать нам еще одну маленькую услугу?

Она оглянулась на мать и кивнула.

Улыбаясь, ее мать проговорила:

— Возможно, только ради меня, ты бы одела что-то попримечнее?

Гермiona вопросительно уставилась на мать прежде, чем опустить взгляд на себя и покраснеть от осознания того, что под мантией на ней все еще была ночная сорочка. Она побежала в свою комнату и, быстро одевшись, собрала некоторые туалетные принадлежности, чистую одежду и полотенце в небольшую сумку.

Несколькими минутами позднее Гермiona выехала из гаража на черном «Мерседесе» своего отца. Остановившись в конце подъездной дорожки, она положила палочку на ладонь вытянутой руки и произнесла:

— Sequor Sirius.

Палочка завертелась у нее в руке и остановилась, указывая своим кончиком на северо-запад.

Выехав на дорогу, Гермиона повернула направо, направляясь к основной дороге в Св. Осите, которая вела через весь Эссекс к Большому Лондону.

Примерно через два часа Гермиона уже ехала по шоссе А25 в Эбинджер Хэммер, графство Суррей, все еще направляясь на юго-запад, когда на панели управления замигала лампочка, сигнализирующая о кончающемся бензине. Остановившись на заправке, она спросила у работника, как быстрее всего попасть в Литтл Уингинг, и обнаружила, что находится всего в десяти километрах от маленькой деревушки возле Оттершоу, располагающейся на северо-западе. Благодаря полученным указаниям и отслеживающему заклинанию ей не понадобилось много времени, чтобы добраться до окрестностей Тисовой улицы.

«Почему он вернулся на Тисовую улицу? Там же нет ничего».

Позднее утреннее солнце палило над головами жителей Тисовой улицы, в то время как они проводили субботний день, подстригая газоны, чистя машины и ухаживая за клумбами и садом. Все, кроме жителей дома номер четыре. Газон возле дома номер четыре покрывала чересчур высокая трава, из которой пучками выглядывали сорняки, придавая ему запущенный вид, который нельзя было спутать ни с чем другим.

Гермиона припарковала машину на подъездной дорожке и, находясь под защитой темного тонированного стекла, вновь призвала чары:

— Sequor Sirius.

Ее палочка указала прямо на дверь четвертого дома по Тисовой улице. Она выбралась из машины и, убедившись, что никто из магглов на нее не смотрит, наложила на «Мерседес» скрывающие чары, прячущие его от посторонних глаз. Убрав палочку так, чтобы в нужный момент ее можно было быстро достать, Гермиона подошла к парадному входу.

В доме было темно из-за того, что все шторы на окнах были почти полностью опущены и не пускали внутрь солнечный свет. Став у двери, Гермиона внимательно прислушалась, пытаясь разобрать хоть какой-то звук или движение. Оглянувшись по сторонам, она увидела лишенную мебели гостиную с голыми стенами и пыльным ковром на полу.

И вновь она произнесла:

— Sequor Sirius.

Палочка указала в сторону лестницы. Бесшумно подкравшись к ней, Гермиона начала медленно подниматься на второй этаж. Когда она наступила на четвертую ступеньку, расшатанная лестница издала зловещий скрип, что заставило ее замереть на месте.

Прислушавшись, она попыталась понять, не пробудил ли шум какое-либо движение в доме. Ничего не услышав, она мысленно отметила скрипящую ступеньку и продолжила подниматься вверх. Там Гермиона быстро обыскала все три спальни, ванную и еще одну запасную комнату, по размерам напоминавшую большую кладовку. Все они оказались пусты.

Озадаченная, она опять произнесла отслеживающее заклинание:

— Sequor Sirius.

Ее палочка наклонилась между пальцев и чуть не выпала из ладони, когда ее кончик четко указал вниз. Удивленная таким поворотом событий Гермиона тихо вернулась на первый этаж, осторожно перешагнув на этот раз через четвертую ступеньку.

— Sequor Sirius.

Палочка указала на лестницу. Слева от ступенек Гермиона увидела маленькую дверцу с прочно выглядящим запором, который был не задвинут.

— Гарри? — прошептала она маленькой дверце.

Ничего не услышав, Гермиона медленно потянула дверь чулана на себя и сказала:

— Lumus Minimus.

Конец ее палочки тускло засветился, наподобие огонька свечи. Из тесноты чулана на нее дохнуло спертым горячим воздухом. В тусклом свете она смогла различить лишь небольшой грязный матрас и выцветшую от старости, обветшалую декоративную подушку.

Опять произнеся код «Sequor Sirius», Гермиона увидела, как светящийся кончик палочки указал внутрь чулана, прямо на грязный матрас. Подавшись вперед, она потянула за шелковистую ткань и раскрыла своего лучшего друга.

— О, Гарри... — грустно прошептала она, увидев, насколько худым и истощенным он все еще выглядел. От летнего воздуха, спертая в крохотном помещении, его кожа покраснела и была покрыта капельками пота. Не желая как ждуть на улице, так и будить Гарри, Гермиона заползла к нему в тесную каморку, которой являлся чулан под лестницей, и закрыла дверь. Очень быстро она наложилась на нее целую серию заклинаний: сначала «Obfirmo», «Dissimulo» и «Silencio», затем «Novo Aeris» и «Novo Teresco». Эти чары сначала запечатали, скрыли дверь в чулан и заглушили звуки, а потом очистили и немного охладили воздух внутри.

Закутав себя и Гарри в мантию-невидимку, Гермиона осторожно положила голову ему на плечо и вскоре заснула.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818727>